

Купина Н. А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня. Вып. 1. М., 2000. С. 182 – 189.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. М., 1940.

Шейгал Е. И. Семантика политического дискурса. М., 2000.

Е. П. Панасова

КОНЦЕПТ *СОЛНЦЕ* В РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

Появление термина «концепт» в русской лингвистической школе связывают с именем С. А. Аскольдова-Алексеева. В 1920-х гг. он разрабатывал теорию концепта, которая к концу XX в. выделяется в самостоятельную отрасль науки – концептологию. В настоящее время существует два основных взгляда на содержание термина «концепт»: когнитивный (Е. С. Кубрякова, К. Менг, М. Минский, Р. И. Павиленис, Ч. Филлмор) и лингвокультурологический (Н. Д. Арутюнова, С. А. Аскольдов-Алексеев, В. В. Колесов, Д. С. Лихачев, З. Д. Попова, С. Ю. Степанов, И. А. Стернин).

В рамках когнитивного подхода термин «концепт» синонимичен термину «понятие», практически отождествляется с ним.

Мы являемся сторонниками лингвокультурологического понимания термина «концепт» и принимаем определение В. В. Колесова, который под концептом понимает «не сопсертус (условно переводимое как “понятие”), а сопсертум – “зародыш, зернышко”, из которого произрастают все содержательные формы его воплощения (то есть образ, понятие и символ). Слово выступает материалом концепта, наряду с его содержательной формой, в виде образа, понятия, символа» [Колесов, 1995, 14]. Концепт рассматривается одновременно как феномен языковой и культурный, например, академик Д. С. Лихачев считает, что «концептосфера языка – это в сущности концептосфера русской культуры» [Лихачев, 1993, 6], а «Словарь русской культуры» Ю. С. Степанова определяет концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека... концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов, 1997, 40].

Концепт сложнее, чем соответствующее слово – «имя» концепта: он содержит семантические добавки, которые и определяют специфику национального восприятия концепта. Но именно при восприятии слова, которое является «именем» концепта (иногда – при восприятии метафоры или фразеологизма), в сознании человека возникает соответствующий концепт. Концепт не исчерпывается словарным значением слова – «имени» концепта, но сло-

варное значение слова – «имени» концепта образует ядро данного концепта. Понятийное ядро концепта «солнце» представляют следующие смыслы:

1. Центральное тело Солнечной системы, звезда, представляющая собой гигантский раскаленный газовый шар, излучающий свет и тепло за счет протекающих в его недрах термоядерных реакций. *Восход Солнца. Солнце – звезда-карлик. Вращение Земли вокруг Солнца.*

2. Свет, тепло, излучаемые этим телом. *Греться на солнце. Подойти к солнцу* (т. е. «к свету»).

3. (перен.) О ком-чём-н. очень дорогом, ценном, являющимся источником, средоточием чего-н. ценного, высокого, жизненно необходимого. *Солнце моё, не плачь. Солнце правды*; о том, кто прославился в какой-л. области искусства, науки, в области какой-л. важной деятельности. *Солнцем драматургии является Шекспир, солнцем математики – Лобачевский.*

4. (мн., *солнца, солнц*) Центральное тело других планетарных систем, играющее роль, подобную Солнцу. *Точно неизвестно, сколько солнц в нашей Вселенной* [МАС: 191].

Концепт – это идеальная сущность, квант структурированного знания [см. Попова, Стернин, 1999]. Концепт представляет собой «нежестко структурированную объемную единицу» [Там же, 11], он имеет «многокомпонентную и многослойную структуру» [Там же, 16], и для выявления национально-специфических черт каждого концепта необходимо обращение к текстам, в которых репрезентирован данный концепт. Так, в любой культуре представлены солярные мифы, которые, утратив свой мистический статус, тем не менее продолжают оказывать влияние на культуру народа в качестве художественных образов, прецедентных текстов; заложенное в мифах восприятие мира, хотя и претерпевает изменения, все же влияет на формирование определенного «культурного ореола» слова *солнце*. В частности, до сих пор в русском языке очень активны словосочетания и синтаксические конструкции, свидетельствующие о восприятии солнца как живого и активного субъекта (*смеющееся солнце, солнце сжигает, злое солнце* и т. п.), а именно такое восприятие характерно для мифа и сказки.

Кроме того, в русском языке существуют пословицы и поговорки, расширяющие восприятие концепта «солнце» и утверждающие восприятие солнца и как духовно значимого: *и на солнце есть пятна* (солнце как образец добродетели, чистоты), *за ушко да на солнышко* (солнце как высвечивающее, выявляющее всё в истинном свете), *солнце правды, солнце истины* (об Иисусе Христе) и некоторые др.

Не только такие жанры устного народного творчества, как пословицы и поговорки, но и сказки сохраняют и позволяют выявить наиболее древние смыслы концептов. Традиционно считается, что сказка – жанр коллективного творчества, предполагающий «совместную ориентацию духовной активности, совместное думанье, совместное оценивание и т. д.» [Менг, 1989, 51]. Поэтому в сказке, как и в других фольклорных жанрах, отражается именно народное, а не индивидуальное восприятие тех или иных нравственных категорий, событий, явлений. Слово *солнце* в русских народных волшебных

сказках воплощает целую гамму концептуальных смыслов, отражающих национально-культурное мировосприятие.

События сказки воспринимаются носителями языка как чудесные, то есть выходящие за рамки обычного или даже вовсе невозможные, в отличие от мифа: носитель мифологического сознания действительно верит в реальность описываемых в мифах событий, воспринимая миф не как выдумку, а как высшую форму реальности. Это отчасти происходит потому, что «метафорический язык мифа, общедоступный вначале, с течением времени, при забвении коренного слова и при возникшем стремлении усвоить за каждым словом определенное понятие, становится загадочным» [Афанасьев, 1986, 143].

Первое, на чем останавливается внимание исследователя, – то, что при всей очевидной значимости солнца для древних славян в сказках слово *солнце* встречается крайне редко. Но этому странному на первый взгляд явлению легко можно найти объяснение: «В древнерусских стихотворениях, сказках и песнях, как вообще в народной поэзии других наций, не найдете ни одного подробного описания природы, которое само по себе составляло бы главный предмет рассказа. <...> Средоточием всего мира для эпической старины был сам человек с его семьей и родным домом» [Буслаев, 1861, 64]. Действительно, солнце в значении «светило» (без дополнительных оттенков) в волшебных сказках встречается лишь тогда, когда событие, с ним связанное (чаще всего – заход солнца), значимо для повествования: например, если до этого времени герой должен сделать сложную работу (например, сказка «Ювашка Белая Рубашка»). Чаще же употребляются слова *рассвет*, *заря*, *закат*, различные конструкции типа *стемнело* и т. п.

Итак, солнце само по себе, как светило, не значимо для человека того времени. Однако и с точки зрения мифологического восприятия солнца умолчание кажется оправданным: прямое обращение к божеству для достижения прагматического эффекта уместнее в заговоре, нежели в сказке, преследующей (кроме развлекательных) нравственные цели [см. об этом: Никифоров, 1930].

Чаще всего в сказках используется не слово *солнце*, а его дериват с уменьшительно-ласкательным суффиксом – *солнышко*, что указывает на любовно-уважительное отношение к объекту. Причем в абсолютном большинстве случаев используется не прямая одиночная номинация, а неразложимое сочетание постоянный эпитет + слово: *красное солнышко*. Устойчивость сказочных эпитетов легче всего объясняется тем, что они воспринимались как неразложимые сочетания, своего рода маркеры сказочного мира. Обусловленные когда-то первобытным мифическим мировидением, древние метафоры повторяются уже по привычке, превращаясь в своеобразные фразеологизированные клише, столь характерные для фольклорных жанров. Но кажется значимым то, что «народ в этих определениях никогда не смешивает понятий даже синонимически и с неизменной верностью говорит, например, *красно солнце*, *светел месяц*, *ярки звезды*... <...> Повторяясь постоянно, эти названия должны занять наше любопытство, тем более что подобные эпитеты суть общая принадлежность всякой народной поэзии и, следовательно, могут слу-

жить безошибочным указанием на особенности мирозерцания народа» [Добролюбов, 1961, 87]. По данным «Русского ассоциативного словаря» [Караулов, 1994, 157] слово *красное* является до сих пор одной из наиболее стойких ассоциаций к слову *солнце*.

В сочетании *красно солнышко* слово *красный* употреблялось изначально в значении *красивый*, а цветовое значение – результат более позднего переосмысления (к этой мысли подводит нас еще и тот факт, что солнце большую часть времени видится желтым или белым и лишь на закате оно представляется красным). О восприятии солнца как «красивого» свидетельствует и возникающий в сказках идеал красоты. Встречаются прямые сравнения с солнцем, например в сказке «Орон Верный»: *Марфа Прекрасная что красно солнышко*. Солнце может фигурировать и в переносном значении при описании красоты: *По локоть руки в золоте, по колены ножки в серебре, в лобу красное солнышко, а в затылке светел месяц* (сказка «Брат и сестра»). В этих примерах реализуется концептуальный смысл «солнце – красота».

В приведенном выше фрагменте есть и непрямая апелляция к солнцу: золото издавна считается «солнечным» металлом (вероятно, оттого, что оно желтого, «солнечного», цвета и ярко блестит – «горит» на солнце); например в сравнительном обороте *дом, весь в золоте – вроде солнца огонь*, как и в примере из сказки «Брат и сестра», кроме концептуального смысла *солнце – красота*, реализуется концептуальный смысл «солнце – золото».

Анализ сказок с учетом связи солнца с золотом дал возможность А. Н. Афанасьеву [См. Афанасьев, 1986; 1994] говорить о скрытом сюжете русских сказок – похищении или побеге золотоволосой царевны (солнца) коварным злодеем (зимой, тучей) и об ее освобождении из плена и торжестве любви (весны, плодородия). В контексте этой мифологемы Афанасьев объясняет такие, например, сказки, как «Сказка о Летучем корабле», «Иван – коровий сын» и др., где само слово *солнце* ни разу не встречается, не употребляются метафорические и идиоматические конструкции, указывающие на концепт *солнце*. Видимо, именно такой смысл, который выявил А. Н. Афанасьев, когда-то закладывался в основу этих сказок, однако к началу XX в. он уже не ощущался даже сказителями.

В волшебной русской сказке солнце нередко персонифицируется, например, как скачущий всадник (мотив, близкий к мифу – изображение светила как едущего в колеснице или скачущего по небу), – *сам красный, одет в красном и на красном коне* (сказка «Василиса Прекрасная»). Солнце в некоторых сказках является активным действующим лицом, наравне с героями-людьми. «Мороз, Солнце и Ветер», «Ведьма и Солнцева сестра», «Солнце, Месяц и Ворон Воронович» – образцы сказок подобного рода. В них реализуется концептуальный смысл «солнце – живое существо», который находит отражение и в третьем значении слова «солнце – о ком-чём-н. очень дорогом, ценном». Любопытно, что в сказках нет прямой характеристики, описания солнца; как правило, в сказках глаголы и прилагательные, относящиеся к солнцу, употребляются в среднем роде, согласно норме современного русского языка. В сказке «Мороз, Солнце и Ветер» вообще не содержится никакого указания

на то, мыслилось ли солнце в связи с женским или мужским началом. В сказке «Ведьма и Солнцева сестра» Иван-царевич обращается к Солнцевой сестре: «Солнце, Солнце! Отвори оконце», что, возможно, свидетельствует о контаминации образов – женского и мужского. Восприятие солнца в связи с мужским началом представлено в сказке «Солнце, Месяц и Ворон Воронович» (существуют различные варианты сказки, но описываемый факт неизменен от варианта к варианту) Солнце берет в жены девушку, следовательно, мыслится как мужчина, причем как зрелый мужчина (а не младенец и не старик). Таким образом, в этой сказке реализуется также концептуальный смысл «солнце – любимый, значимый человек», возможно также «солнце – властелин». Эти же смыслы реализуются в единичном примере *Владимир-князь – солнце Киевское*; концептуальный смысл *солнца* как «любимый, значимый человек» представлен в употреблении словосочетания *красное солнышко* в качестве обращения, однако и тот и другой пример – более поздние напластования.

Из текста сказки «Солнце, Месяц и Ворон Воронович» не удастся установить даже того факта, насколько Солнце внешне видится похожим или непохожим на человека (утрата антропоморфности может указывать на тотальное переосмысление солнца не как божества, а как одушевленного природного явления). Эта «странность» сознания находит выражение в языке сказок: *Солнышко уселось среди полу, [его] жена поставила на него сковороду – и оладьи изжарились*, ср. вполне возможное в данном контексте: *поставила ему на голову / на темя*, указывающее на человеческий облик. Отсутствие этого указания, с одной стороны, и «участие» Солнца в специфически человеческих – супружеских – связях (муж), с другой, отражают определенный переходный период в сознании людей: солнце уже не может мыслиться как человек (или божество, внешне похожее на человека), что связано с утратой мифологического сознания, но еще сохранились некоторые рефлексy мифов, что и обуславливает столь парадоксальное для современного человека соединение антропоморфных и неантропоморфных черт в образе одного героя в рамках одного текста. Заметим, что в этой сказке солнце выступает как начало мужское, активное, деятельное, позитивное.

Антропоморфность солнца (как героя русской волшебной сказки) подчеркивается еще и тем фактом, что в сказках встречаются персонажи, связанные с Солнцем узами кровного родства: Солнышкина Мать (сказка «Как Господь ходил по земле [Марко Богатый]») и Солнцева сестра (сказка «Ведьма и Солнцева сестра»). Принципиального различия между этими образами нет – обе мыслятся как женщины мудрые, обладающие сакральным (иногда и волшебным) знанием, обе не имеют возраста как такового – представляютcя как живущие вечно. В этих сказках реализуются концептуальные смыслы «солнце – мудрость» и «солнце – вечность». Например, в сказке «Ведьма и Солнцева сестра» Иван-царевич в поисках убежища проходит мимо трех других героев – портних, Вертодуба и Вертогора – но выясняется, что все они «скоро» умрут; придя же к Солнцевой сестре, Иван-царевич спокойно у нее остается, не опасаясь смерти. Также в этих сказках реализуется концептуальный смысл «солнце – даль»: живут и Солнцева сестра, и Солнышкина Мать

где-то на краю света (точная локализация отсутствует), куда герою приходится «долго-долго ехать» (ср. в поговорке: *Дальше солнца не сошлют* и др.). Важным представляется тот факт, что и Солнышкина Мать, и Солнцева сестра (которая в обрядовой поэзии соотносится с весной) – образы положительные, служащие для восстановления справедливости и защиты несправедливо обиженных. Солнце вообще осмысляется как справедливое, всепрощающее; этот концептуальный смысл репрезентирован не только в сказках, но и в других фольклорных жанрах, например, в пословицах: *Солнце сияет на благе и зле; Красное солнышко на белом свете черную землю греет*.

Хочется особо отметить, что солнце в сказках играет сугубо позитивную роль, осмысляется как благо и податель благ, практически через все сказки проходит сквозная мысль о том, что солнце – это богатство, которое больше богатства. Так, в сказке «Ювашка Белая Рубашка» рассказывается о царе, у которого не было солнца, месяца, звезд и полночи, и это было величайшим несчастьем (ср. мифологему Афанасьева). Разумеется, герой добывает необходимое и воцаряется благополучие. Хочется подчеркнуть, что герой должен добыть в первую очередь солнце. Таким образом, в сказках репрезентирован концептуальный смысл: «солнце – благо», который представлен и в малых фольклорных жанрах: *Солнце пригреет – и все поспеет*, и в исторической песне: *Красну солнышку поклонимся: Ты взойди, взойди, красно солнышко... обогрей ты нас людей бедных...* Концептуальный смысл *солнце* – «благо» регулярно реализуется в волшебных сказках, причем даже в случаях, когда упоминается вредоносное действие солнца (например, *укрыть... чтоб красно солнышко лучом не опалило*), возможная негативная оценка снимается уменьшительно-ласкательной формой *солнышко*.

Итак, солнце в русских волшебных сказках мыслится не столько как субъект, сколько как явление природы, хотя и играющее огромную роль в жизни русского человека. Вообще, можно проследить связь между бытом человека, прагматическим значением солнца для людей той или иной национальности и положением концепта «солнце» в национальной языковой картине мира, культурными коннотациями. Вот что отмечает в этой связи Т. Пулатов: «Солнце по-русски – это совсем не то, что куёш по-узбекски, и уж совсем не то, что офтоб по-таджикски. В какие отношения – дружелюбные или тягостные – человек вступил с небесным светилом, так их выразил язык и произнес. Ведь узбек, живущий большую часть года под его палящими лучами, никогда не скажет ласково-уменьшительное “солнышко”, так же как и у русского нет ощущения того, что солнце может быть не только плодотворным и землеобновляющим, но и враждебным» [Пулатов, 1976, 109].

В русских волшебных сказках солнце воспринимается как живое существо и заключает в себе мужское начало, представляется обладающим властью (концептуальные смыслы «солнце – живое существо»; «солнце – любимый, значимый человек»; «солнце – властелин»). Солнце наделяется мудростью и красотой (концептуальные смыслы «солнце – мудрость»; «солнце – красота»). Солнце является источником плодородия и благополучия (концептуальные смыслы «солнце – благо»; «солнце – золото»). Солнце неизменно пред-

стает перед нами как величайшая ценность (вероятно, и в нравственном, и в материальном смысле, так как с солнцем связан урожай – основа жизни крестьян). Солнце является неким идеалом, средоточием добра и добродетели, а удаленность солнца и восприятие его как вечного, неизменного («солнце – вечность»; «солнце – даль») позволяет ему сохранять положение божества, которое не сохранили, например, деревья и звери.

Астремская Е. В. Психолингвистические аспекты понимания текста как носителя определенной культуры // Русский язык в контексте современной культуры. Екатеринбург, 1998. С. 5–7.

Афанасьев А. Н. Народ-художник: Миф. Фольклор. Литература. М., 1986.

Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1994.

Буслаев Ф. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т.1. СПб., 1861 (цит. по: Русская фольклористика: Хрестоматия. М., 1971. С. 79–89).

Добролюбов Н. А. Собр. соч. Т. 1. М.; Л., 1961.

Караулов Е. Н. и др. Русский ассоциативный словарь. М., 1994.

Колесов В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет. Петрозаводск, 1995. С. 13–18.

Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52, № 1. С. 3–9.

МАС: Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под. ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп., М.: Русский язык, 1981–1984.

Менг К. Речевое общение, коммуникативная компетенция и понимание // Когнитивные аспекты научной рациональности. Фрунзе, 1989. С. 50–58.

Никифоров А. И. Сказка, ее бытование и носители // Капица О. И. Русские народные сказки М.;Л., 1930. С. 7–55.

Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999

Пулатов Т. Язык, автор, жизнь // Литературное обозрение. 1976. № 8 (цит. по: Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999. С. 9).

Степанов Ю. С. Словарь русской культуры. М., 1997

Список фольклорных источников

Великорусские сказки Пермской губернии: Сборник Д. К. Зеленина. М., 1991.

Капица О. И. Русские народные сказки М.;Л., 1930.

Мудрость народная: Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 3. М., 1994.

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. М., 1958.

Русский фольклор. М.; Л., 1968.

Северные сказки: Сборник Н. Е. Ончукова. СПб., 1998.